

В НОВОСПАССКОМ

Я ВЫДВИГАЮ ЯЩИК
письменного стола и достаю оттуда горсть желудей. Их приятно взять в руку — такие они ядреные, налитые, так блестит и лоснится их смуглая, подрумяненная солнцем конгура.

Это не совсем обычные желуды. Когда я подношу горсть к уху, мне начинает чудиться, что внутри желудей что-то потрескивает и шуршит. Такие шорохи издаст под иглой пластинка, прежде чем зазвучит музыка. Я жду секунду — другую, медлю, внутренне настраиваясь... Если сильно захотеть, а затем дать волю воображению (музыкальному, разумеется), то можно и в самом деле услышать мелодию. И не какую-нибудь, а строго определенную — радостно-торжественную увертюру к глинканской опере «Руслан и Людмила».

Я насбирал эти желуды месяц назад в старинном Новоспасском парке. Неширокая аллея вывела меня на большую поляну, где когда-то стоял дом родителей Михаила Ивановича. Знаменитый «дуб Глинки» сразу бросился мне в глаза. Это было великолепное творение природы — размашистое, раскидистое, с таким мощным стволом, что его вряд ли смогли бы обхватить, взявшись за руки, и четыре человека.

Опустившись на корточки, я принялся собирать желуды, и тут ко мне подошел незнакомый дед. Он был в черном полушубке, хотя день стоял на редкость теплый.

— Интересуетесь? — спросил он меня.

— Интересуюсь, — ответил я, еще плохо понимая, о чем пойдет речь.

— Слыхали: «У лукоморья дуб зеленый, златая цепь на дубе том»?

— Слыхал. А что?

— Так вот он этот самый дуб и есть...

Я оторопело взглянул на деда. А он степенно начал:

— Мне отец рассказывал, а отцу — его отец, что однажды Михаил Иванович пригласил к себе в Новоспасское Пушкина. Сели они под этот дуб и начали сочинять: Пушкин стихи говорит, а Михаил Иванович музыку, значит, подбирает. Так и получилось у них совместное произведение — опера «Руслан и Людмила».

Я был очень благодарен деду за эту легенду. Ее фактическая основа не выдерживает, конечно, никакой критики, но соединение в народной памяти этих двух имен полно глубокого смысла. Да и то сказать: ведь Глинка для русской музыки то же самое, что Пушкин для русского слова. Они стоят вровень, не возвышаясь друг над другом, оба родоначальники, основоположники, первооткрыватели в своих областях.

Неизвестно откуда взявшийся дед был для меня настоящей находкой. Когда я вдоволь налюбовался дубом и насыпал в карман отборных желудей, он повел меня вверх по косогору и, остановившись у овражка, таинственно прошептал:

— Видите?

На дне овражка посверкивало круглое зеркальце криницы, из которой выбегал ручей.

— Родник, — сказал я.

— Родник, да не простой: в самые лютые морозы не замерзает. Все журк да журк, бульк да бульк... И так весь год. Его Михаил Иванович уж вот как любил!..

Мы привыкли соединять слова «источник» и «вдохновение». Здесь я не только слышал их, я видел эти слова в их материальной, овеющей сути. Нетрудно было представить себе, как прибегал сюда, к овражку, маленький Мишель, Миша. Он сидел у криницы, ловя чутким слухом бормотанье ручья, далекий звук пастушечьего рожка, пение дрозда в рябиновом кусту напротив. Все это было мелодией, которую он пока еще не мог выразить, но которая стала со временем частью того величественного и прекрасного, что мы сейчас зовем «музыкой Глинки». Криничка волшебным превращалась в «источник вдохновения», музыка как бы брала свое начало, как бы рождалась в этом никогда не скудеющем, всегда бьющем песенном роднике.

Еще я думал о благодатной силе красоты, которая является питательной средой для таланта, неизмеримо убыстряя его созревание. Пушкин до конца дней своих с благоговением и благодарностью вспоминал царско-сельские парки, те дни, ког-

да в садах лица он «безмятежно расцветал». Парк, где протекали детские годы Глинки, тоже очень хорош, хотя и другой, более скромной, более сдержанной красотой. Радуют глаз широкие, поросшие раками плесы Десны, которая вплотную подступает к южной стороне парка, уютные заросли всевозможных кустарников, аллей, незаметно переходящие в настоящий березовый лес. Долго бродил я по парку, впитывая в себя все, что видел вокруг. Кряжистый, развесистый «дуб Глинки», к моему удивлению, оказался единственным в своем роде. Все остальные дубы (а их здесь около сотни) были юношески стройны; я бы даже сказал, изящны со своими совершенно прямыми гладкими стволами, с небольшими аккуратными верхушками, упорядоченными в бледно-голубое осеннее небо.

Поднявшись от берега Десны немного вверх, я очутился у деревянного сооружения, имевшего форму полукружия. Это была эстрада, с которой в дни глинканских торжеств, проводимых здесь ежегодно, звучит музыка великого композитора. На эстраду, медленно кружась, падали листья. Они падали замысловато: вниз — в сторону, вниз — в сторону, будто в ритме вальса, будто с эстрады еще неслась незабвенная музыка «Вальса-фантазии».

Глинка не забыл в его родных местах. Об этом свидетельствовала скромная эстрада в парке. Об этом еще раз напомнил мне своей

легендой старик в черном полушубке...

И все же...

Я перебираю в памяти святые для нас места, связанные с людьми, составляющими гордость русской литературы, искусства, музыки, — Михайловское, Клин, Ясная Поляна... Пожалуй, Новоспасское правомерно сравнить с Михайловским. Прошу понять меня правильно, я не увидел на родине Глинки мерзости запустения, но что-то от заброшенности, от сиротства здесь явно было. Уж слишком разительно отличается Новоспасское от ухоженного, присмотренного пушкинского села. Поражает безлюдность глинканских мест по сравнению с Михайловским, куда круглый год идут и едут паломники — дети и взрослые, экскурсанты, туристы...

Болью в сердце отдавались обидные мелочи: тяжелая, некрасивая ограда вокруг парка, мостик с отвалившимися перилами, консервные банки и бутылки на траве. Беден и аляповат обелиск на бугре, где стоял семейный дом Глинок. Не понравились мне и лошади, которые тут и там скакали по парку со спутанными ногами, хотя их белые, рыжие, черные крупы несколько оживляли тусклые краски осени.

Да, мы, смоляне, чтим Глинку, любим его. Но все ли мы делаем для того, чтобы силу любви претворять в силу действия?

...К вечеру погода испортилась. Я уезжал из села под мерный шорох затяжного дождя. Холодный ветер срывал с новоспасских дубов последние листья.

Б. АЛФИНОВ.